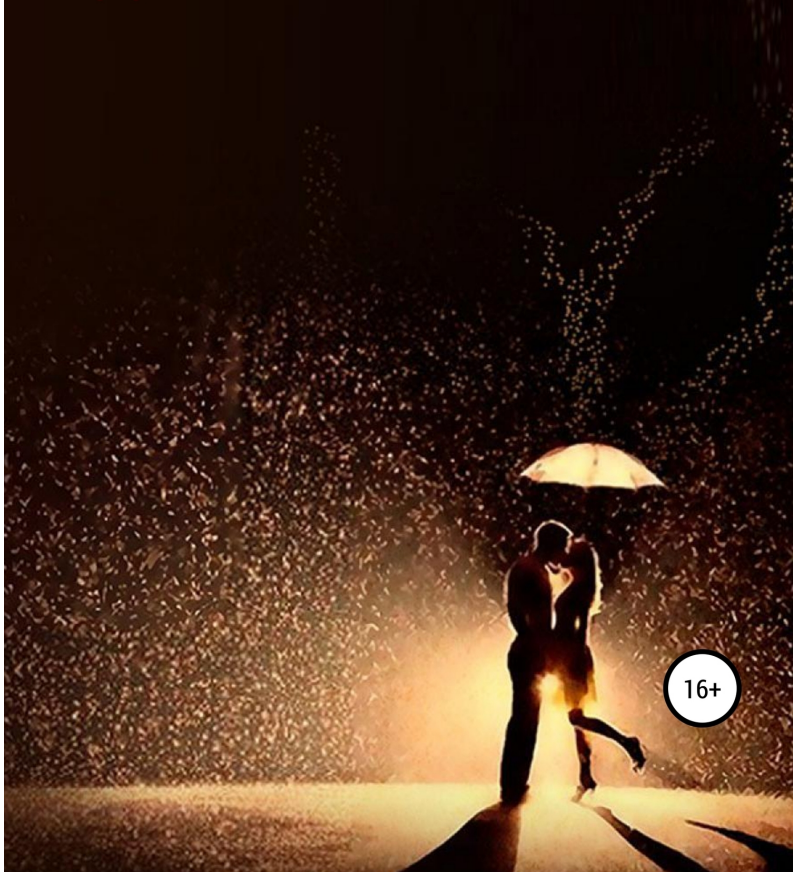

для имени твоего

16+

ЕЛЕНА СОЛНЦЕВА

Елена Александровна Солнцева

Для имени твоего

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43116498

SelfPub; 2019

Аннотация

Три рассказа – «Для имени твоего...», «Давай потанцуем», «Креатив». Три грации – Вера, Надежда, Любовь. Три эмоции – веры, надежды, любви. В сборнике рассказов вы сможете познакомиться с тремя девушками, имена которых предопределяют эмоциональную суть их жизни.

Содержание

Для имени твоего	4
Глава 1	4
Глава 2	9
Глава 3	13
Глава 4	24
Глава 5	29
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Для имени твоего

Глава 1

Собор Парижской Богоматери красив и величествен вне времени. А уж в ускользающей утренней дымке хорош на загляденье. Французы говорят Notre Dame, испанцы – Nuestra Señora, итальянцы – Santa Maria, а англичане – часто просто Our Lady. «Наша госпожа» – вот так просто, но изысканно, потому что одеяние не неотесанный камень, не простое рубище простолюдинки, а все в дорогих наворотах внешнего декора. Но заглядеться можно на что-то необычное или на что-то новенькое, а люди, столпившиеся у лестницы главного входа в собор, были явно не туристы. Ну не до готической твердыни им, не до игры солнечного света, подчеркивающего строгость линий силуэта и бликующего нежными оттенками, отраженными витражными розетками, и не до стрельчатых порталов, где над центральным входом вырезаны из камня сцены Страшного суда. А Страшный суд так и должен был бы назидательно приковать внимание толпы, но в это утро не он был вершителем судеб. То, что их бы всех охарактеризовало, – это были зрители, наблюдатели, созерцатели, очевидцы, свидетели, болельщики и даже театралы. В общем, перед лестницей, ведущей к центральному входу в со-

бор, собрались те, кто хотел понаблюдать за разворачивающимися в роскошных декорациях событиями со стороны. И не дай бог было бы оказаться на месте тех несчастных, которые стояли спиной к толпе. Обреченность несчастных была очевидна. Народ жалостлив, видя старческую немощь и истерзанные тела, переломанные руки и ноги и незаживающие раны. Только редкие выкрики из толпы: «Смерть им!», Господи, так они и так на ладан дышат, чуть живые, провоцировали толпу внедренные в нее провокаторы из организаторов этого совсем не театрального шоу. Какие-то робкие выкрики «Воры!» и совсем несмелые «Идолопоклонники!» периодически проплывали над толпой. Какой-то ярости, особой ненависти или даже презрения у зрителей не наблюдалось.

Не ощущалось и того, что вот сейчас, сейчас эта толпа родит героя, отважного и смелого, способного на исключительный поступок, этакого Робин Гуда, защитника бедных и униженных. Вот герой прыгнул бы на плечи ближайшего лучника из оцепления суда, выхватил бы у него пику, а затем нанизал бы на эту пику охранную подмогу. Затем, выхватив у сраженного пику, нанизал бы следующего, ну, фантазий для геройства миллион, только героя не было. Не было лидера, за которым толпа ринется, воодушевленная подвигом, ринется на поредевшие ряды охраны и своей массой, подручными предметами для боя, камнями снесет суд, судилище, систему определения наказания. И вынесен был бы весь процесс справедливости осуждения на Суд Божий. Инструкции су-

допроизводства как раз были навечно высечены в камне над главным порталом центрального входа в храм. Да и бедные и униженные, кто? Это были бедные рыцари Христа, или тамплиеры. Это были некогда самые богатые и могущественные люди своего времени. Но богатство и могущественность есть категории философские и не являются постоянными во времени. Да, они стали богаты, да, они стали могущественны, пока не стали на пути могущества государства в лице Власти – власти короля Филиппа IV.

И вот четыре бородатых немощных старца в лохмотьях, жалко свисающих с некогда холеных тел могущественных особ, стояли на трясущихся ногах перед представителями другого могущества, а именно власти. На пороге широко распахнутой двери центрального портала храма был установлен стол – трибуна, за которой и восседал церковный трибунал.

За президиумом стояли лавки для коллегии суда – епископов, каноников, церковнослужителей. Стоячие места за сценой были розданы монахам, которые были единственные во всем этом действе погружены в себя и отрешены молитвой, веруя, дабы не разувериться. Сама власть, в данном случае королевская, была представлена одним высокопоставленным сановником в статусе наблюдателя. Наблюдатель был, в общем-то, фигурой номинальной, функции которой сводились к контролю за общественным порядком. Он так и выделялся на фоне священнослужителей – гражданским

своим обликом, лишь бы все прошло цивилизованно, в соответствии с законами, а главное, с уже принятыми решениями в отношении осужденных, без волнительных моментов, без раскачивания корабля судопроизводства и без шторма за бортом всей этой истории, которая длится много лет.

Властный суд в лучах утреннего весеннего солнца сверкал наперсными крестами, переливался золочеными митрами и багрово-красными кардинальскими и епископскими бархатами подчеркивал высокий статус свой над неразлично серым изваянием бывшего могущества в лице четырех сникших истерзанных стариков. И, казалось, что уж там судить и тем более с такой помпезностью устраивать суд в самом центре Парижа – в Нотр-Дам-де-Пари. Но, наверно, кому-то это было нужно и, вернее всего, власти, власти короля, поставить жирную точку. А помпезность происходящего обусловлена исторической значимостью этой точки. Эффектная театральность требовалась для истории. Властитель хотел войти в историю справедливым вершителем судеб, а не интриганом, преследующим цели отделаться от своих кредиторов.

И вот апофеоз всего представления – зачитывание приговора. Толпа замерла перед оглашением приговора и все пункты, которые заканчивались неизменным «виновны», поддерживала одобрительными выкриками. Ну и что народу до сломленных четверых некогда могущественных рыцарей-храмовников. Слишком много слухов об их надменности в миру ходило. Даже вроде бы на власть короля свысо-

ка смотрели и от христианского мира стеной тайн и своими богохульными обрядами отгородились. Что у них там за стенами их неприступных замков-крепостей творилось, семь лет правосудие разбиралось. Великий магистр ордена Жак де Моле в этот исторический час собрал всю свою гордость воина, его поникший взор на глазах королю послушного суда и мало что понимающей в происходящем взволнованной толпы начал наполняться человеческим достоинством. Это преобразование было магией. Суд напрягся, а толпа притихла. И уже перед всеми стоял не униженный и оскорбленный старик, а Великий магистр ордена тамплиеров Жак де Моле. Он медленно и четко произнес: «Я, Жак де Моле, Великий магистр ордена Храма, предпочитаю смерть унижающему тюремному заключению». Затем Великий магистр встряхнул своей длинноволосой седой головой, распрямив плечи и устремив взгляд ввысь, где и должен был быть высший судья, громко выплеснул из себя: «Отрекаюсь». Каждая буква этого слова, как крупные дроби, была выстрелена в растерянный суд, затем отрикошетила в онемевшую толпу и, уже слившись в единый смысл, улетела ввысь, к главному судье – истории.

Глава 2

Верочка порхала по комнате бабочкой. В очередной любовной истории была поставлена точка. Через какие муки и страдания пришлось пройти. Как глубоко пришлось покопаться в своей душе. От разочарований до всплесков, к высоким чувственным порывам, и путь к восторженным идеалам был проделан длиною в целый год. И вот он – happy end. Happy end подмигивал красивой флешкой, усыпанной сверкающими камушками, и лежал на столике у телевизора. Верочка была непомерно рада, что ей удалось-таки свети к счастливому завершению историю двух любящих сердец, к небольшому сожалению, ни одно из них не было ее. Это были всего лишь сказки, иллюзии, которыми она хотела раскрасить мир вокруг себя, своих близких в теплые тона душевных переживаний. И вот вся эта теплота, собранная в маленькой флешке, ждала своего воплощения в красивую гляцевую упаковку на радость ее читателей. Писать Верочка начала давно, сколько себя и помнила. А вот издавать свои книги и отдавать их на людской суд у нее был не такой большой опыт. Ее немудреные истории, к ее же удивлению, всегда находили своего почитателя. «Ваши книги не портят настроения», – резюмировал как-то ее редактор. И это стало ее вдохновляющим девизом – «Не портить настроение». И были ею написанные истории просты и наивны, как

сама жизнь за окном ее квартиры. В этот дом она переехала не так давно, сбежав от родительской опеки, как ей казалось мелочной. «Надо обязательно завтракать» – можно подумать, что во всей Москве нельзя найти с утра чашку кофе. «Не забывай, зубы надо чистить и на ночь» – ну что же я, совсем дикая замарашка какая-то? «Нельзя в такую погоду без шапки» – это когда уже температуры на улице перешагнули нулевой рубеж и стремительно потянулись к плюсу. Ох уж эти «надо», «не забудь» и «нельзя». Нет, конечно же, родительская забота приятна и расслабляет. Но вот от последнего, от расслабления, Верочка и сбежала в подвернувшуюся квартиру в центре столицы. Ее школьная подруга, вышедшая замуж за дипломата, не раздумывая уехала за ним к его месту службы, в Париж. «С милым рай и в шалаше, если милый атташе», как говорилось в старой поговорке, и Верочкина подруга уехала облагораживать парижский шалаш, а московский поручила поддерживать Вере. Верочка была этому случаю очень рада. Самостоятельности очень хотелось, последний курс института, преддипломный семестр, свободное посещение вуза и море времени для творчества. А также и подруге услугу оказать и родителей не обидеть. Планов громадье, но, безусловно, мирного характера, не то что средневековые страсти, бушующие на экране телевизора.

Собираясь в редакцию, а ведь, по сути, это событие было праздником, требующим особых сборов для себя любимой, Веруша, перебегая из ванной в комнату, из комнаты на

кухню, из кухни в ванную, выполняя обряд превращения из куколки в эфемерное создание, изредка бросала взгляд на экран телевизора. Фон, как ей вначале показалось, был как нельзя кстати к ее приподнятому настроению. «Париж – это праздник, который всегда с тобой», – сказал любимый Верочкин классик. Ах, Париж! Ах, Собор Парижской Богоматери! Он красив и величествен вне времени. А уж в ускользающей утренней дымке хорош на удивление. Это все забываемо. Ах, Депардье, любимый актер! В мысли о предстоящей встрече с редактором для обсуждения технических моментов, связанных с изданием написанного ей любовного опуса, вклинивалось навязчивое «ах», да «ах». В общем, «увидеть Париж и умереть». На экране прокручивали французский сериал. Узнаваемые артисты в исторических костюмах что-то там реконструировали из своего исторического прошлого. Суд, судилище. В какой-то момент Верочка даже затушевалась в своих праздничных сборах, что-то там такое страшное происходило на экране. А Депардье какой-то осунувшийся и в лохмотьях.

Опаздываю же к назначенному времени в редакцию. Депардье что – бормочет себе под нос приглушенно, и это повторяется по-русски, голосом дублирующего его русского артиста. Тихо слышно: «Не для себя, не для себя, а для имени твоего...» Потом послышалось слово, произнесенное с экрана, как будто ее окликнули. «Верюс» – так иногда, когда было необходимо подчеркнуть серьезность момента, об-

ращался к ней папа. И Верочка, отвлекаясь от своих сборов, подошла к экрану и пристально стала всматриваться в того, кто позвал ее. Слова произнес Депардьё. Это же кино. Не надо дело на безделье менять. И после наведения последних штрихов к соответствующему мероприятию образу, бережно положив свое сокровище, флешку с Harry end в сумочку – все, надо бежать. «Отрекаюсь», – накрыл Веру пронизывающий до мурашек на теле голос. Вера обернулась на экран. Депардьё смотрел на нее, потом, ей показалось, скорее сквозь нее, а затем поднял глаза ввысь. Вера замерла на мгновение. Всполохи черного дыма занавесили весь экран, и вслед за словом, означающим по-французски «конец», появились очертания черного кота, с явным намеком на связь с мистикой. Вера стряхнула с себя это непонятное оцепенение, сказала сама себе нравоучительным тоном: «История всех рассудит». Она решительно нажала на кнопку «выкл.» на пульте, развернулась к входной двери, перед глазами проскользнул настенный календарь с выделенной датой сегодняшнего дня, 18 марта 2014, и вышла из дома.

Глава 3

Весенним теплым парижским утром солнечные лучи кокетливо пробежали по золоченым атрибутам кардинальских одеяний, то прячась, то искрясь в горностаевых мехах на бархатных одеждах папского легата кардинала Альбано, торжественным голосом зачитывающего приговор тамплиерам. Толпа слушала этот бредовый приговор, но не удивлялась. За семь лет, как начались процессы над орденом, наслушались много. А где правда, а где «бред сумасшедшего», кто разберет. Поклонялись демону Бафомету, и неким «говорящим головам», и что еще они поклонялись черной кошке – олицетворению Сатаны и т. д., и т. д. Ну куда же еще ниже может опуститься бывшая христианская душа. Толпа внимательно вслушивалась в каждое слово приговора. При первом появлении бывших руководителей могущественного ордена, представших перед народом четырьмя стариками, оборванными и истощенными, не все были на стороне «праведного» суда. Жалость – это то чувство, которое в простом народе если и бывает притуплено задавленностью нужного властным структурам взгляда на их суд, то все равно прорастет сквозь каменный и безжалостный свод обвинений. За семь лет эта история то обострялась новыми слухами, подбрасываемыми из казематов в народ, то острота восприятия притуплялась от иных рассказней, доведенных до абсурда тысячными

пересказами так называемых «сарафанных радио». Но когда голос кардинала Альбано, величественно проплывая под куполом собора, накрыл толпу грозными и назидательными словами о Страшном суде, народ был на стороне суда. А раздавленность тамплиеров тяжестью выдвинутых против них обвинений казалась справедливой. Безжалостность воцарилась вокруг в том смысле, что по их «заслугам» и было им поделом. И вот в эту самую наивысшую точку единения верхов и низов выкрик Жака де Моле перерезал единомышленное одобрение выдвинутых обвинений. Гром и молнии вырвались из груди Великого магистра: «Отрекаюсь!» От пронизывающего до мурашек в теле голоса оцепенели все собравшиеся у храма.

– Протестую против несправедливого приговора и утверждаю, что все преступления, приписываемые нам, вымышлены от начала до конца! – кричал Жак де Моле.

Волнение началось среди кардиналов, судьи растерянно начали переглядываться, и толпа глубоким вздохом замерла в ожидании.

– Устав наш святой, справедливый и христианский, – это приор Нормандии Жоффруа де Шарне всю свою накопленную ярость вложил в свой глас против земной несправедливости.

Два старика, находящиеся во власти инквизиции в течение целых семи лет, осмелились возражать против королевского приговора.

– Мы рыцари Христа, – два голоса, слившись в один, как бы в трубный глас, не могли заглушить набросившихся на них стражников. Руки скрутили и поволокли в клеть, в которой были привезены подсудимые из темницы. Вот они опять в клетки, но вырвавшиеся слова в клетку уже не запрядешь. И сомнение в справедливости королевских слов и дел, которые пришлось доказывать в течение семи лет, может быть посеяно в умах верноподданных французского королевства.

Ненормальные старики, сидели бы со своими мыслями до конца своих дней пусть хоть и не в комфорте, но при жизни. А то «виновны, не виновны» – это что за ересь такая. Это тоже указывает, что они в нескольких шагах при смерти. В рядах судей начались суетливые действия – перешептывания, перелистывания указов, приказов, доносов, свидетельств, отчетов, писем, инструкций, законов. И вот уже несутся за консультациями во дворец. Сколько это займет времени? Как бы не беспокоить, не разволновать, не утрудить и получить высочайшее указание в отношении действия, чем скрепить разорванную цепочку обвинения справедливого суда.

Зря суд тревожился, во дворце не дремали. И примчавшемуся королевскому наблюдателю без долгих церемоний была предоставлена аудиенция с правителем Франции Филиппом IV. Несколько минут вельможное окружение с тревогой прислушивалось к голосам за дверью. Стены поглотили исторические фатальные слова короля. И совсем скоро

из кабинета выбежал и помчался в сторону собора виконт. Что там, что там в новом свитке со свежей королевской печатью и размашистой королевской подписью? Казнить или миловать? Гонец пробирался к собору, к королевскому суду сквозь вопрошание и недоумение, перешептывание и причитание, саркастические ухмылки и жалостливые всхлипывания. Вырезанный из камня навечно Страшный суд над входом в собор и находящийся как раз над головами вершителей судеб тамплиеров-мучеников назидательно предупреждал собравшихся о двух исходах жизненного пути. Толпа приглушенно гудела, и различимы были только два слова – *executer* и *amnistie*, «казнить» и «миловать».

Высеченный из камня Архангел Михаил усердствует в своей работе после вердикта *executer*. Не забудьте, что на весах души людей будут еще и взвешены. По весу души будет определена ее праведность. Великий магистр в ожидании вердикта смотрел над головами королевского суда, туда, где жизнь оценивалась по Божьему суду. Этот взгляд кардиналами был расценен как гордыня. Да, и этот грех еще тамплиеру можно дописать. Но у Жака де Моле и в помине не было мыслей о гордыне, так как он был праведным сыном Божьим. Таким он родился, таким воспитался, таким стал и нес праведное отношение к миру и истинным христианам и главное Богу. Единственное, за что мог упрекнуть себя Великий магистр, так это за то, что не хватило сил физических устоять перед огнем и железом, перед изощренными

запутанными нашептываниями и угрозами палачей. Ересь, ересь сплела свою паутину и затащила в плен лжи и безнадежного обмана. Слабые людские души, сломленные, как и он, дыбами, «испанскими сапогами», каленым железом, острыми иглами и другими ухищрениями, способными заставить заговорить даже высеченные из камня изваяния, где уж там плоти и крови выдержать. Никто не выдержал. Никто. А кто выдержал, тот замолк навсегда. На земле нет правды и суда справедливого. Так пусть хоть люди задумаются, справедлив ли суд одних людей над другими смертными. Только Он, высший судья, и есть мерило справедливости. И пусть же скорее наступит час executer нашего, Архангел Михаил, оцени мою душу и вверь на суд Бога Иисуса Христа. Благородством своим тамплиеры с самого основания ордена и по день безжалостной расправы служили не для себя, а во имя прославления Господа. Имя Его возвышали, реликвии Его охраняли, заветы Его выполняли, людей Его, христиан, от неверных защищали. Жак де Моле всматривался своими полуослепшими глазами в Спасителя. А изваяние над порталом четко указывало ему дорогу. Жак де Моле не сомневался в исправности весов Архангела Михаила, и тяжесть своей души он чувствовал непомерную. Благородность дел и поступков, замешанных на горести мук физических и моральных, весили очень много. Но большая часть этого душевного веса – это любовь к Господу. Архангел не ошибется, ведь любовь эта и без взвешивания видна. Взгляд де Моле упер-

ся в перст Божий, указующий ввысь, в небо. Не сомневался в этом своем после жизни пути Великий магистр. Земной суд, подвластный королевской власти, торопился избавиться от последнего, 23-го Великого магистра Великого ордена. Двум великим на этой территории быть очень тесно. Поэтому король выбрал решение раз и навсегда покончить с претензиями на великость. Бунтарству смерть. Власть уже была у него в руках. Братская любовь ордена ему уже не нужна была, зачем королю равенство и тем более покровительство, ведь казна ордена теперь в его руках. Executer? О, нет! Mettre a mort! Предать смерти! Мы этих посмевших еще и дерзить власти будем не просто казнить, а предавать смерти. Mettre a morte, и на медленном огне.

«Mortes, mortes, mortes...» – повторяли друг за другом епископы, члены судебного суда под неморгающим взглядом папы Климента. Уже никто не искал проблесков пощады для воспрянувших стариков в его глазах. Глава Ватикана не был здесь главным. Он был слугой. Даже не слугой, а рабом обстоятельств. Он и называться-то теперь главой Ватикана не мог, так как пути его зависимости от короля поселили папу Климента во Францию у резиденции короля. И если раньше Ватикан правил христианским миром, то теперь, если папой правил король, то управлять папством было суждено в те времена марионетке. И это слово «казнь», которое уже обжигало собравшихся свидетелей исторического суда, громко и утвердительно отрезало все сомнения и в добродетели коро-

ля. Узников, в ожидании приговора закрытых в клетях-повозках, сразу же увезли в их тюремную обитель для ожидания исполнения приговора. Хлипкий мостик надежды на справедливость в этой жизни для Великого магистра и его верного друга аббата был уничтожен обжигающим «mortes».

Казнь была назначена для исполнения в этот же день и должна была состояться вечером. Приготовление не заставило себя ждать. Место было выбрано на Камышовом острове, который находился недалеко от королевского дворца. Хорошо было видно место казни из окон галерей, по которым вечером любил прохаживаться Филипп. И вот, когда плотники перестали стучать топорами, и без того влажный хворост, привезенный из близлежащего леса, после разложения его на месте казни был полит водой из реки, была дана команда «везти». Все было готово для исторической миссии палачей.

Из четырех руководителей ордена, которым с утра был устроен публичный суд, эта казнь предназначалась для двоих – Жака де Моле и приора Нормандии. Двое же других, когда голос несправедливых обвинений так и не просветлил их замученный семилетними испытаниями ум, предпочли непротивление злу своим бессилием и успокоение тихому угасанию – пожизненному заключению.

И вот их уже везут, этих возмутителей судопроизводства и судоисполнения. Взбудораженный утренним вызовом христианскому миропорядку народ заполнил всю территорию вокруг Камышового острова, чтобы посмотреть на вошед-

ших в двойную ересь бывших тамплиеров. Зрители разместились и в галерее королевского дворца.

В сопровождении большого количества стражников осужденные на казнь проделывали свой последний путь к эшафоту под одиночные оскорбительные выкрики скорее всего специально внедренных провокаторов. Жак де Моле и его соратник во время своего скорбного пути слышали, не обращая внимание на одиночную брань, лишь мирские звуки – где-то пролаяла собака, потом проехали мимо плачущего ребенка, а вот всплески воды, переправа ждет. Вот и переправились. Вот она, страна мертвых. Вот финал. Вот точка. И что, так никто и не поймет, что же произошло? Никто никогда и не задумается над всей этой историей? Их связали, двух товарищей по своей трагической судьбе, спина к спине. Они не видели, что в одном окне галереи королевского дворца взмахнули белым платком. Они не видели этого, но почувствовали, что королевская месть была приведена в исполнение. *Mette a morte* – предание смерти началось. Мокрый хворост разгорался медленно, накручивая тяжелые клубы дыма вокруг Великого магистра и его соратника приора Нормандии. Складывалось впечатление, что наблюдающие из галереи хотели продлить себе ощущение победы над бывшими соперниками на великость. Осознать это историческое действие могли и предаваемые на муки смерти бывшие тамплиеры.

И вот, когда пламя, потрескивая, все же сумело подо-

браться к ногам обреченных, и когда стало понятно, что еще немного и огонь уже своими языками пламени подобрется к человеческим телам, вот в этот момент Великий магистр ордена тамплиеров понял, что настал его час. Собрав все свои силы, подкрепленные самой могучей опорой в мире – верой, а именно верой в высшего судию, он выкрикнул в небо: «Я, Великий магистр ордена тамплиеров, отрекаюсь перед Господом Богом во всем том, в чем оговорил себя под пытками. Не виновны и братья мои по духу и по делам праведным. Все мы, рыцари ордена Храма, служили лишь для одного – для прославления имени Господа в мире». Эти слова магистр произнес так мощно, что, казалось, небо сейчас разверзнется и с него глас Божий ответит христианскому сыну. Но небо не разверзлось, а наоборот, сгустилось тучами еще большим мраком над землей. У всех, кто присутствовал на этом страшном зрелище, не одна мурашка пробежала по телу. Даже коронованная особа, наместник на земле всеенской власти, передернула плечами. И рука эта, ведомая, как считалось, Божьим помыслом, еще раз взмахнула своим белым с вензелями FIV платком, дабы mettre a morte быстрее превратилось в executer. Первый весенний гром своими раскатами подтолкнул было вошедших в оцепенение палачей подбросить в медленно разгоравшийся огонь несколько охапок сухого хвороста. А то уж совсем переусердствовали в приготовлении для «медленного сожжения», слишком уж влажный был хворост. Да и небо забеспокоилось и

стало жалостливо к Великому магистру, пошел дождь. Действовать надо было без промедления. И не только палачи, но и все стражники стали быстро подкладывать в эту адскую печь заранее припасенный сухой валежник. Борьба воды и огня закончилась победой последнего. Огонь, получив новые силы, стал стремительно поднимать свои угрожающие языки пламени над смертниками. Король удовлетворительно вздохнул, хотя это могли заметить только самые близкие приближенные. И что уж тут смотреть далее, уже не видно тел сопротивляющихся. Дело сделано. Последнее препятствие в упрочение великости короля было устранено. Король еще раз бросил взгляд в сторону места казни. Пламя костра поднималось высоко, освещая своим заревом не только Камышовый остров, но и всю близлежащую территорию вокруг него. Париж не спал. Народ внимал нравоучительный христианский урок. «Finita», – с этой мыслью король собирался покинуть галерею, но... Из горнила пылающего огненного столба Филипп услышал голос Великого магистра: «Я, Жак де Моле, проклиная тебя, король Филипп, тебя, папа Климент, и тебя, Гийом де Ногаре, обещаю вам, что встретимся через год». Саркастическая улыбка блеснула на лице монарха. И во всеуслышание для своей свиты король произнес: «Finita» – и быстрым шагом поспешил покинуть это место, чтобы забыть эту историю навсегда. Он был довольно таки молод, полон сил и здоровья. А еще он был полон вселенских амбиций. Франция казалась ему уже тесной. Он же теперь

один великий, и великие завоевания в его жизненные планы входили. По окончании семилетнего процесса над тамплиерами он стал еще и богат. Богатство породит могущество. Могущество возродит славу французских королей. А еще он был красив. И хотел бы остаться в истории как Филипп IV Красивый. Так что ему до бредовых слов казненного. Путь его только вперед.

Но когда Филипп уже переступил порог галереи, из костра последний возглас 23-го Великого магистра храмовников Жака де Моле заставил его остановиться и взглянуть на небо.

– Veritus!

Глава 4

Порог этого издательства Верочка переступила впервые. Приехала раньше назначенного времени для ее аудиенции с редактором. Встретили приветливо, предложили чай-кофе, усадили в мягкое кресло и попросили подождать, у «шефа», как выразилась секретарь, переговоры. От чая-кофе Верочка отказалась, да и в мягком кресле не сиделось. Волнительный момент первой встречи с редактором присутствовал. Конечно же, это не суд Божий, а всего лишь товарно-денежные отношения. И все же ее история, которую она пестовала, лелеяла, прихорашивала, наводила глянец, будет в этом издательстве распотрошена не то что по страницам, а даже будет разобрана до слов, до букв. И до того, как все-таки причешут и оденут выстрадавшее дитя по моде и в угоду предполагаемому читателю, согласования и утверждения, которых не миновать, пережить надо было не одно. В своих книжно-издательских мыслях Верочка начала проглядывать стеллажи с книгами, опоясывающие весь холл. Книжные объятия добавляли бонусы издательству, как рекламный ход своего предприятия, так и для создания особого настроения для посетителей, располагающего к доверительному отношению к организации. Большое количество книг на полках, а это все были книги, изданные здесь, заинтересовали и Верочку. «Людам есть что сказать», – первое, что пришло ей на

ум от воплощенных в печатные слова чьих-то мыслей. Книжки были разные. Это были и толстые, уверенные в себе, в строгих и лаконичных обложках труды, не одного года изысканий и копаний в человеческих душах, авторов-перфекционистов. Эти книжки приятно взять в руки и почувствовать, насколько человеческие мысли могут быть весомы. А если их открыть, окунуться в интеллектуальные потоки, которыми автор хочет заполнить сознание читателя, то у неподготовленного читателя и мозг может взорваться. С такой литературой надо быть осторожной. Есть, безусловно, классика, проверенная временем, и такая литература не просто необходима – просто обязательна для человека цивилизованного. Тут же по-соседски и веселенькие книжечки в разноцветных обложках разместились. Ведь их тоже приятно подержать в руках, да они так и просятся руки. Кокетство их обещает приятное времяпровождение, но, как говорится, «обещать не значит...». Сколько раз приходилось покупать на яркость и многообещающие призывные раскраски обложек, но ведь приемчик работает, покупатель привлечен. Продажа книг – это особый бизнес, ничего общего с написанием книг не имеет, хотя как не через продажу дойти до читателя. Альтруизм не имеет такого охвата населения, как торговля. Так что выходит, что к написанию книг книгопродавцы отношения не имеют, а вот к созданию? Все же издатели всегда обращают внимание автора на оформление их произведений в соответствии с потребностями рынка. Особенно это

важно, когда имя автора ни в широких и ни в узких кругах не на слуху. Сначала обложка выделит книгу среди прочих равных, затем название заставит задуматься, а там и зацепит авторская сопричастность к душевным переживаниям своих героев.

Верочка остановилась около полки, где ее внимание привлекла одна небольшого формата книга. И подумала тут же: вот что в этой неприметной для коммерческого успеха книге могло ее привлечь? Ну, ответ напрашивается сам и сразу – необычность. Необычность заключалась в простоте, что и выделило ее из пестрого хоровода подружек, с которыми она явно дружить не хотела. Черный цвет для книги как-то не совсем коммерческий ход. Хотя в истории, по крайней мере в искусстве, черный как самостоятельное явление был революционером. Назидательный урок академическому сообществу. Каждый цвет может быть прочтен как слово. Или истолкован как сигнал, знак, символ. Какой символ может нести эта обложка, во что книга одета, прямо как в черную рясу. Знак монашества? Монахи облачаются в черную рясу как в символ покаяния. Покаянная книга. Интересно, в чем народ желает покаяться? И что это за народ? Верочка взяла в руки небольшое черное книжное создание. Название, которое расцарапывало обложку жесткой холодной серебряной краской, было эклектичное – «Тамплиеры России», да и имя автора было под стать – Иван Молев. Жуткую трагедию с утра она видела на экране телевизора с его французским

тезкой. Тамплиеры и Россия? Это что-то новенькое.

Пока Верочка вертела в руках заинтересовавшую ее книгу, интерес к этому опусу у нее все возрастал. Вера хотела поинтересоваться насчет этого любопытного издания, расспросить хоть что-то об авторе у секретаря. Но та как-то невнятно пробормотала, что столько сюда народу приходит, издаются и издаются. Но, когда Вера поднесла к ее глазам этокое черное клеймо с серебряными отметинами, секретаря вроде бы прояснило. Коммерческий ход в оформлении обложки был беспрюирышным и запоминающимся. Ах, Молев! Так вот он на переговорах у редактора. Верочка было интуитивно шагнула к двери, но тут же пришлось ретироваться назад в холл под осуждающим и следящим за корпоративной культурой взглядом секретаря. Секретарь вернула Веру на место ожидания словами: «Чай, кофе?» Верочка не успела развернуться, как в этот момент дверь кабинета редактора распахнулась, и из нее черной тучей выплыл человек. Качнув головой в знак прощания секретарю, «туча» скрылась за входными дверями.

– Это вот как раз и есть автор, если вас это интересует, – многозначительно сказала секретарь.

– Импозантный мужчина, – подметила Вера.

– А книги... – тихо, но многозначительно добавила секретарь. – Дизайн наш художник разрабатывал, но согласно фантазиям автора. Все его книги выходят под розой. Это он так пожелал.

– Что значит «под розой»? – Верочка только сейчас обратила внимание на маленькую красную розочку под вызывающим металлическим названием.

– Все, что сказано под розой, является конфиденциальным, – загадочно промолвила всезнающая и всемогущая хозяйка ресепшена. – Роза – это символ тайны и молчания.

Вера покрутила книжечку в руках, пытаясь разглядеть еще какие-нибудь символы, и с легкой иронией спросила:

– Продается?

Секретарша, параллельно делая несколько дел, не сразу отреагировала на вопрос. Верочка же, держа в руках «секретный» опус, не сводила с нее глаз. Устав выдерживать на себе вопросительный Верочкин взгляд, девушка все же соизволила сконцентрироваться на Вере:

– Вы что-то хотели приобрести?

Верочка в тон своему вопросу дала утвердительный ответ:

– Вот! Вот эту тайну!

– Это не продается, – она хотела еще что-то добавить, но в этот момент зазвонил телефон. Сняв трубку и утвердительно мотнув головой потустороннему голосу, многозначительно объявила:

– Вас приглашают, заходите.

Глава 5

«Veritus? – король вглядывался ввысь сквозь тяжелые тучи, перемешанные с пеплом. – Что есть его истина, его вера?»

В этот вечер королевские покои были смиренны и тихи. Общий семейный стол было велено не накрывать. Члены большой королевской семьи разбрелись по своим апартаментам сразу же после завершения трагического зрелища на Еврейском острове. Присутствие было обязательным и не обсуждалось. Обсуждалось событие уже потом, узкими кружками и перешептыванием.

История суда над тамплиерами длилась в течение семи лет, им было предъявлено обвинение в ереси и безнравственности. Утром 13 октября 1307 года Великий магистр и все члены ордена тамплиеров, которые находились на французской земле, были арестованы. Нападение для тамплиеров было невероятным, сопротивления они не оказали ровным счетом никакого. Аресты производились с конфискацией имущества, домов и замков, дабы лишить материальной опоры членов ордена. Попытки бывших рыцарей Христа были чудовищны. Инквизиция знает способы, чтобы человек смог сказать, что есть истина для него. И они говорили и признавались в ереси, служению сатане, в противоземных пороках. Показания тщательно документировались, проверяя-

лись и перепроверялись. Приходилось по несколько раз применять физические приемы над духом обвиняемых, дабы они не увиливали от данных показаний. И на основании достаточного собранного и задокументированного материала 3 апреля 1312 года на заседании XV Вселенского собора папа Климент V огласил постановление о реформировании ордена тамплиеров.

Король был милостив. Он не желал жестокости по отношению к бывшим союзникам, бывшим защитникам, бывшим товарищам, бывшим почти родственникам. Но вера? Veritus? Разве в вере может быть непоследовательность? Филипп IV, ну кто ему дал это звание – «Железный король», он ведь просто Красивый. Филипп Красивый – это более отвечает его сущности. Несмотря на предательскую политику по отношению к папскому престолу, которой он не поддержал в конфликте между папством и царской короной, несмотря на ориентацию руководства ордена на Англию, при расположении штаб-квартиры ордена во Франции, несмотря даже на отказ принятия короля в рыцари король хотел лишь наказать и указать, кто в доме Франции есть хозяин. И имел на то право, ведь король же он! К завершению процесса король фактически одобрил решение о «домашнем аресте» де Моле в замке на границе с Бургундией. «Veritus», – последние слова задела Филиппа. «Что этот человек, который метался в ходе судебного процесса из одной крайности в другую, то полностью принимая и понимая свою вину, понимает в ве-

ре? Что может понимать в вере человек, который путался в своих истинах и отрицал им же утвержденное? Да и подставил своей непоследовательностью под удар братьев по ордену. Ну и итог – сам себе подписал смертный приговор. А хотелось выйти всем из этой истории красиво. Нашел обидчиков. Проклятия какие-то ниспослал, до тринадцатого колена. Фантазер».

Кульминация всей этой долгой семилетней истории – Великий магистр ордена тамплиеров Жак де Моле казнен. Филипп IV разочарован.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.